

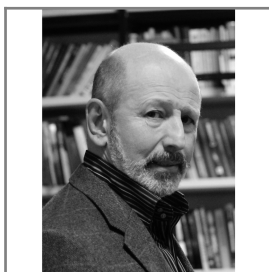
ВОЗВРАЩАЯСЬ К Т. КУНУ: КОНСЕРВАТИВНА ЛИ «НОРМАЛЬНАЯ НАУКА»?

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН. Главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: vporus@rambler.ru

В статье рассмотрена проблема интерпретации «нормальной» и «революционной» науки в концепции Томаса Куна. Показано, что «нормальная наука» у Куна – это центральное понятие истории науки, выстроенной в соответствии с принятой им нормативной дефиницией науки. Такая история служит внутренней цели – обоснованию особого эпистемического статуса экспертного знания. Но здесь же и внешняя цель – утверждение профессиональной науки как выделенного социального института, представляющего собой центр интеллектуальной власти и собственности. Историки вынуждены постоянно переписывать историю – кто следуя методологии «рациональной реконструкции», кто отвечая на вызовы своего времени. Быть «консерватором» или «революционером» в истории науки – это выбор, который совершается не только по философским соображениям, но и под влиянием общей социально-культурной ситуации эпохи.

Ключевые слова: нормальная наука, научная революция, внешняя и внутренняя истории науки, наука в социальном контексте, социальная эпистемология

TURNING BACK TO KUHN: IS NORMAL SCIENCE CONSERVATIVE?

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, correspondent member of the Russian Academy of Sciences, head research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

The article examines the problem of interpreting normal and revolutionary science in the concept of Thomas Kuhn. It is shown that the “normal science” is the central concept of the Kuhn’s history of science, designed in accordance with the normative definition of science adopted by him. Such a story serves an internal purpose – to justify the special epistemological status of expert knowledge. But there is also an external goal – to establish professional science as an institution with special epistemological status and social function, which is situated in a center of intellectual power and property. Historians are those who are forced to constantly rewrite history – either following the methodology of

Vladimir N. Porus –
DSc in Philosophy, professor.
National Research University
"Higher School of Economics".
21/4 Staraya Basmanaya St.,
Moscow, 105066,
Russian Federation;
e-mail: vporus@rambler.ru

"rational reconstruction" or responding to the challenges of their time. To be a "conservative" or a "revolutionary" in the history of science is a choice made not only for philosophical reasons, but also under the influence of the general socio-cultural situation of the epoch.

Keywords: normal science, scientific revolution, external and internal history of science, science in social context, social epistemology

Революции в науке – реальность и иллюзия

Полвека – солидная дистанция. Она отделяет нас от разгара дискуссий между сторонниками «исторического направления» в философии науки, главной фигурой которого в то время был Томас Кун, и «критическими рационалистами», разделявшими стратегию рациональной реконструкции истории науки, разработанную Карлом Поппером [Kuhn, 1970; Lakatos, Musgrave, 1970].

Как нередко бывает, основные положения этих дискуссий, извлеченные из полемического контекста, вошли в учебники по философии науки в виде препарированных концепций. Вклад Т. Куна в методологию историко-научных исследований предстал в этих учебниках как «теория научных революций», а сам Кун явился «виднейшим представителем философии науки второй половины двадцатого века», хотя сам ученый на такую роль не претендовал и к философии относился едва ли не скептически. Его «теория», растасканная на фрагменты и концепты, получила резонанс в течение нескольких десятилетий, пока поднявшийся шум не утих после того, как все возмутители спокойствия – Т. Кун, К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Ст. Тулмин и др. – постепенно ушли в историю.

Но идея «научной революции» сохранила некую привлекательность. По известному выражению И. Лакатоса, история науки – пробный камень философии науки. Если «революция» – понятие, без которого не может обойтись философская теория науки, то это надо проверить на материале истории науки. Но как это сделать, если история науки, по другому, не менее известному афоризму Лакатоса, без философии науки «слепа», т.е. не в состоянии понять внутренний смысл событий, определяющих собой развитие и рост научного знания? Логический круг Лакатос пытался разорвать разделением «внешней» и «внутренней» истории науки: первая – это последовательность научных событий в их историческом контексте, а вторая – результат «рациональной реконструкции» этих событий. О проблемах, возникающих в связи с этим методологическим приемом Лакатоса, есть обширная литература, но не сказать, что эти проблемы получили удовлетворительное разрешение [Порус, 2008].

То же относится к «научной революции», обсуждение которой было интенсифицировано работами Т. Куна. Эта понятие не раз подвергалось «деконструкции» в мировой и отечественной литературе [Brash, 1975; Кузнецова, 1982, с. 76–78; Fuller, 2000], но и эту проблему нельзя считать закрытой.

Один из выводов, следующих за такими реконструкциями, может быть сформулирован в парадоксальной форме: в концепции Куна понятие «научной революции» не играет сколько-нибудь значимой роли.

Надо преодолеть гипноз названия куновского бестселлера «Структура научных революций», увидеть в нем уловку, привлекающую внимание как адептов кумулятивистского образа науки, так и «критических рационалистов», изображающих рост научного знания как непрерывную последовательность «скачков», которые при желании можно назвать и «революциями», коль скоро эта метафора почему-то важна для исследователя. На эту двойственность Куна указывает, например, Л.А. Маркова, обнаруживая сходство его концепции с идеями П. Дюгема и даже переклички с Ж. Делезом [Маркова, 2004].

Очнувшись от гипноза, исследователь заметит, что Кун в большей мере сосредоточен на анализе того, что он называет «нормальной наукой», проводя границу между сферой научной рациональности и тем, чем наука не является и быть не может. Научная рациональность – то, что объединяет научное сообщество; периоды, когда это объединение разрушается, характеризуются кризисами научной рациональности. Если такие периоды назвать «научными революциями», то за этим термином закрепляется деструктивный смысл: ученые перестают быть «нормальными» и впадают в полосу сомнений и переживаний, вызванных их переселением в «другой мир», устроенный так, что это не укладывается в дисциплинарную (парадигмальную) матрицу объяснения явлений.

Это можно сравнить с неврозом, выход из которого ищут у психоаналитика. Историк науки, описывая такие периоды, не видит в них «революций», а замечает процессы деструкции, опережающие успешные попытки восстановления единства в понимании явлений. Тогда в игру вступает философ науки, который, реконструируя описания историков, выстраивает картину переходов от одних парадигм к другим и пытается найти им объяснение. Но попытки отыскать его в отношениях между научными теориями терпят неудачу, например, из-за так называемой *несоизмеримости* значений «теоретически нагруженных» терминов. Поэтому философ науки, полагал Кун, вынужден искать объяснение в психологических особенностях научных сообществ. Поскольку заметные изменения парадигмальных приверженностей происходят из решений научных сообществ, философ науки вынужден перевести описание роста научного знания в план социальной психологии исследования [Кун, 2001].

Это выглядело как включение истории в ткань философского исследования науки. В самом деле, ведь решения научных сообществ «привязаны» к их конкретным и очевидно обусловленным состояниям. Эта очевидность и повлияла на то, что рассуждения Куна были поспешно названы «историческим подходом», а его последователей столь же поспешно называли «исторической школой» в философии науки. Полвека назад эта поспешность была вполне объяснима: в полемике с антиисторическими моделями научного роста, предлагавшимися неопозитивистами, и псевдоисторическими схемами роста научного знания через «перманентные революции», предложенными «критическими рационалистами», «историзм» Куна выглядел более радикальным. Но последующий анализ показал, что эта «радикальность» не может быть освобождена от кавычек. Концепция Куна не была более исторической, чем позитивистские и попперианские схемы, она только переводила рассуждения о науке из плана логико-методологического в план анализа социологических и психологических факторов, воздействующих на принятие конвенциональных решений научных сообществ.

Это обстоятельство было отмечено критиками еще на рубеже 60–70-х гг. прошлого века. Н.И. Родный писал, что «Кун принадлежит к интерналистам, т.е. считает, что наука представляет автономную и саморегулирующуюся систему, траектория которой полностью определяется имманентными закономерностями, внутренними импульсами... Всякий тесный контакт науки с внешним миром может привести ее к бесплодию, а отсюда... стимулирование науки, управление ею извне может принести ей только вред» [Родный, 1973, с. 50]. Так или иначе, «научная революция» в концепции истории науки Т. Куна – это событие, которое выводит науку за ее собственные границы. Находясь «внутри» этого события, ученые пытаются преодолеть осознаваемый ими кризис, обращаясь к широкому спектру вне-научных ресурсов. Но признать этот факт означало бы покинуть почву «интернализма», фактически сознаться в том, в чем Куна обвиняли его запальчивые оппоненты, – в иррационализме, релятивизме и прочих грехах, в те времена еще дружно осуждаемых большинством философов науки [Motuska, 1980]. Кун не сделал этого шага и не стал расширять сферу «внутренней истории» науки. В этом отношении его позиция не была столь уж противоположной позиции «рыцаря Ratio» Имре Лакатоса, как это декларировалось последним [Порус, 1995].

Что действительно сделал Кун, сконструировав свою схему «исторического» роста научных знаний? Он дал начало новому тренду отношений между историками и философами науки. Для этого ему пришлось создать впечатляющую иллюзию – образ «научной революции». Последний должен был убедить ученых в том, что никаких «научных революций» просто не существует. Речь идет о смысле, какой придавался этому термину теми, кто признавал за философией

право судить о том, как должна развиваться наука, если она считается оплотом и образцом рациональности. Так возник «миф о Куне», в котором он предстал (и вошел в учебники) как революционер в истории и философии науки. Если принять его собственное представление о «научной революции» как о периоде разброда и шатаний, который «нормальная наука» стремится преодолеть во что бы то ни стало, пусть даже ценой обращения к внелогическим (психологическим и социологическим) факторам, то надо признать, что его опыт оказался вполне успешным. Смуту в спокойное море философии науки он внес, а это удавалось немногим.

Для историков, интересующихся реальными обстоятельствами, в которых происходят подобные масштабные события, интересен вопрос, благодаря чему произошел этот успех. Среди условий успеха надо отметить, по крайней мере, два: исключительно удобную коммуникационную площадку, на которой возросла концепция Куна, и огромную свиту интерпретаторов, подхвативших идеи Куна и сделавших их центром дискуссий, доминирующих несколько десятилетий подряд и фактически оттеснивших на периферию иные, возможно, даже более плодотворные идеи. Этому способствовали и определенные характеристики текстов Куна, которые после «Структуры» немедленно становились бестселлерами: впечатляющая смесь известных, но особым образом препарированных исторических кейсов, поспешных, но чрезвычайно броских метафор и экстраполяций с разветвленными коннотациями, вызовов надоевшим философским конструкциям, часто противоречащим историческим исследованиям. Все это создавало ощущение свежего ветра в затхлом помещении, в котором привыкли обретаться философы того времени. Констелляция этих факторов привела к громкому успеху, который заглушил не менее интересные и провокативные идеи Л. Флека, Б. Гессена, М. Полани. История иронична. Вспомнить хотя бы, что пионерская работа Л. Флека получила вторую жизнь благодаря беглому упоминанию о ней в «Структуре научных революций» Т. Куна!

Контекст революции: о внешней истории самого Томаса Куна

Пятидесятилетие второго расширенного издания «Структуры научных революций» (1970) совпадает с двадцатилетием книги С. Фуллера «Томас Кун: философская история нашего времени» [Fuller, 2000]. Известность книги Куна столь велика, что и книги о ней иногда становятся событием. Книга Фуллера написана на основе интервью, взятого у Куна, и тщательной работы в архивах. Помимо всего книга примечательна оригинальным видением концепции Куна, а также

новым проектом философии науки самого Фуллера. Так, содержание и влияние идей Куна объясняется в духе и стиле социальной эпистемологии. Внимание автора сосредоточено на социальном контексте, в котором они возникли и были развиты до масштабов популярной концепции. Кроме того, Фуллер исследует изменения роли философии науки в так называемой системе идей STS (исследования науки и технологии). По мнению автора, в этой системе философия науки возвращается на центральное место, с которого некогда была вытеснена. Происходит это потому, что изменился контекст, в котором STS получила признание и приобрела институциональный статус. В недавнем еще прошлом вытеснение философии науки на периферию исследовательского интереса обуславливалось тем, что интернализм (т.е. объяснение динамики и роста научного знания, исключительно в терминах «внутренних» – когнитивных и социально-психологических факторов) утратил былую популярность, а философия науки не сразу смогла подстроиться под этот тренд. Но, потеряв из виду философскую значимость исследуемых процессов, STS приняла дескриптивистский и технократический уклон. Поэтому локальные социокультурные контексты науки, хотя и описывались методами специальных наук, не проливали особого света на смысловые переходы в процессах роста научного знания. Их вписанность в целостную картину мира, в панорамные мировоззренческие структуры утрачивалась или становилась имплицитной [Kasavin, 2017].

Эпатирующим было сравнение Т. Куном истории науки с социальной историей, систематически переписываемой Министерством Правды из романа «1984» Дж. Оруэлла [Kuhn, 1970, p. 167]. Но когда И. Лакатос обстоятельно спародировал эту официальную историю в собственной историографии «рационального конструктивизма», то был осужден как историками, так и философами науки. Дело в том, что в отличие от Куна он понимал переписывание истории не как рутинную процедуру, совершаемую в известных целях государственными слугами режима, как это описано Оруэллом. Для него это было следствием философско-методологической рефлексии, приводившей к «рациональной реконструкции» истории науки. «Методолог же должен относиться к истории науки не как к безграничному резервуару различных форм и типов рациональности, а подобно укротителю, заставляющему прекрасное, но дикое животное исполнять его команды; при этом у зрителя должна быть иллюзия, что исполнение команд наилучшим образом отражает природную сущность этого животного» [Порус, 2008, с. 30]. Однако критикам Лакатоса, как историкам, так и философам, не понравилась мысль, что нормативное понимание науки тесно связано с радикальной переоценкой ее прошлого. Что касается Куна, то он всерьез принял оруэлловскую картину официальной историографии как аналогию, позволяющую понять историю науки как средство легитимизации научных институтов. При этом

такая «фальсификация» действительной истории должна была идти параллельно с реалистическими описаниями исторических процессов, совершаемыми профессиональными историками.

Методологические установки Куна сложились под влиянием Дж. Конанта, ректора Гарвардского университета, историка науки и общественного деятеля. Кун следовал его программе учебных курсов, ограничивая их «внутренней» историей науки. В таком стиле в Гарварде было подготовлено собрание оригинальных научных трудов, формирующих познавательную базу студентов и исключаящих или сводящих до аннотации политико-экономико-культурный контекст, который изначально делал эти труды значимыми для читателей. Так возникли *Гарвардские исторические кейсы экспериментальных наук* [Conant, 1957]. Вероятно, Питер Галисон со своей версией исторической эпистемологии также является наследником этой традиции.

Обратим внимание на понятийный аппарат, каким пользовался Кун. В нем на первых позициях такие термины, получившие впоследствии широкое распространение, как «нормальная наука», «разгадывание головоломок», «наведение порядка», «научное сообщество». Они составляют словарь описания науки в ее «больших» формах, свойственных тем историческим периодам, в которых наука выступает как постоянно действующий фактор глобального научно-технического прогресса. Ослабление или компрометация этого действия является крайне нежелательной, поскольку могли бы привести к замедлению прогресса или даже его остановке – хотя бы на короткое время. Если присмотреться более пристально к работам Куна по истории науки более ранних периодов (с 1620 по 1920 г.), станет ясно, что он описывает события тех времен, прибегая к терминологии и схемам объяснения, предпочтительным, с его позиции, для описания более поздних периодов.

Критики Куна не раз вопрошали, следует ли пересмотреть эти схемы и соответствующие им понятия ввиду их явного несоответствия реалиям науки XX в. Кун отвечал, что его не волнует задача философского обобщения своей концепции и что он рассматривает науку исключительно как образцовую форму знания вместе со способами ее достижения. Однако узкий сциентизм, игнорирующий философскую идею многообразия типов знания, лишает себя ключа к пониманию всякого крупного идейного поворота. Революция – это всегда выход за пределы данного, очевидного и даже мыслимого благодаря вторжению внешнего многообразия во внутреннюю интеллектуальную историю.

Примечательно, что оговорки и умолчания Куна о философской стороне его историографической концепции не помешали философам и иным толкователям охотно привлекать эту концепцию для поддержки своих взглядов на науку и ее рост. Репутация Куна как

историка науки не была поколеблена ни его скепсисом по отношению к философии, ни критикой со стороны его философских оппонентов. Наоборот, чем разительнее выглядело несоответствие его взглядов распространенным теориям роста научного знания, тем более росло недоверие к этим теориям. Философская компетенция стала рассматриваться как нечто излишнее и даже вредное для профессионального историка. Ему следовало погружаться в соответствующие практики научного исследования, а не в философские рефлексии по поводу оных.

Главным пунктом разногласий между натуралистически настроенными философами и социологами-конструктивистами, конкурирующими за наследие Куна, оказался вопрос, далекий от философии. Как получить знание о научной практике – посредством формального естественно-научного образования или включенного наблюдения за исследованиями – вот о чем спорили между собой Н. Картрайт и П. Галисон, с одной стороны, и Д. Блур и Г. Коллинз – с другой. В результате произошло постепенное поглощение области «истории и философии науки» более общими «исследованиями науки и техники». Если в первой области все «историцисты» получали совершенно равную оценку, то в последней Кун превозносится в качестве мифической фигуры отца-основателя. С. Фуллер проводит аналогию с Хайдеггером: если утрата лидерства историцистской философией науки сходна с исчезновением экзистенциализма, то положение Куна в STS сравнимо с местом Хайдеггера в постмодернистской философии [Fuller, 2000].

Отличие куновского «историцизма» от последовательной приверженности исторической правде можно проиллюстрировать характерным примером. «Структура научных революций» приобретала все больший резонанс в философских кругах именно в то время, когда США наращивали свое военное участие во вьетнамском конфликте, а настроение ученых претерпевало значительную трансформацию в условиях холодной войны. «Историцисты» самых разных политических ориентаций резко высказывались на эту тему [Fuller, 2007]. Даже Карл Поппер, ставший с годами политически более консервативным, присоединился в 1968 г. к своим левым коллегам и призвал ученых к чему-то вроде клятвы Гиппократата, которая запрещала бы им участвовать в военных исследованиях [Popper, 1994]. Томас Кун хранил об этом красноречивое молчание. Он дал пример последовательного политического консерватизма или даже конформизма в полном соответствии со своими идейными установками – ученого не должна интересовать внешняя история науки, и он должен как можно дольше избегать «революций».

Кто и почему переписывает историю?

Вернемся к оруэлловской аллюзии. История науки постоянно переписывается, но зачем? Ответы могут быть разными, это зависит от философской позиции историографа. Позитивистски ориентированный «кумулятивист» скажет, что история науки может быть исправлена или дополнена, если удалось найти новые факты, связать их ранее неизвестными или непонятыми отношениями, включить их в историческое описание, сохранив при этом его смысловую целостность. Сторонник разделения «внутренней» и «внешней» истории, по Лакатосу, заявит о необходимости «рациональной реконструкции» истории науки для того, чтобы представить ее развитие (или рост) как движение по пути, намеченному философской теорией научной рациональности. Для «кумулятивиста» понятие «научной революции» – не более чем эмфатический оборот, публицистическое преувеличение, отвечающее определенным эмоциям, вызванным неудержимым ростом научных истин и их практических применений. Для «критических рационалистов» научные революции – обычная практика научного исследования, если оно идет по торной дороге фальсификационизма. Заменяли опровергнутую фактами гипотезу на иную, пока не опровергнутую – вот вам и революция в науке. Чтобы этот термин не потерял свойственной ему эмоциональной нагрузки, надо только подчеркнуть, что речь идет о фундаментальных научных гипотезах, а не о рядовой попытке решить ту или иную эмпирическую проблему. Даже для Лакатоса, наиболее реалистично мыслящего «критического рационалиста», «научная революция» – это не слишком удачное сокращение для более длинного и суховатого оборота «смена научной исследовательской программы, происходящая в результате победы более успешной программы в конкурентной борьбе с менее успешными». Кун говорит о «революциях в науке» как о наступлении периода смут и разброда, когда наука не похожа на самое себя, а уподобляется спорам религиозных фанатиков или политических группировок.

У всех этих концепций есть нечто общее. Оно в том, что историческое движение науки в той или иной мере изображается как имманентный процесс, обладающий собственной рациональностью, которая, правда, может искажаться действием внешних по отношению к науке факторов. «Правильная история науки» должна отгородиться от силового поля этих факторов, чтобы наука не потеряла самоидентичность. Для всех названных подходов к методологическому обоснованию истории науки характерно стремление поставить в центр своих рассуждений именно «нормальную науку», чтобы затем исследовать условия и причины возникновения ее «ненормальных» (революционных) состояний.

Дефиниция «нормальной науки» обладает особой ценностью, которую вынуждены признать самые ярые оппоненты в дискуссиях о моделях развития (роста) научного знания. Эта ценность двоякого рода. Для «внутреннего употребления» (т.е. для методологической рефлексии самой науки) эта ценность в том, что она позволяет обосновать эпистемический статус экспертного знания: истинным и приемлемым является такое знание, которое соответствует принятым в «нормальной науке» критериям. Для «внешнего употребления» (т.е. для определения социальной и культурной роли науки) эта ценность в том, что она позволяет утвердить профессиональный статус науки как особого социального института, представляющего собой центр интеллектуальной власти и собственности. Недостаток идеи «нормальной науки» лишь в том, что она перестает работать в эпоху ее крушения, во время революции. Тогда ученый остается, так сказать, у разбитого корыта, без руля и ветрил, в особенности если он чурается философии, цель которой – настраивать его на серьезное восприятие известного афоризма «Жди неожиданного!».

Можно ли отказаться от сравнения истории науки с оруэлловской историей, которую переписывали в своих целях властные структуры тоталитарного государства? Признаем, что, если отвлечься от неприятных ассоциаций, придется согласиться с тем, что застывшая в своей нетронутости и непогрешимости история науки в высшей степени догматична и идеологизирована. Такая история науки утратила бы не только стремление к истине, она потеряла бы свое значение для гуманитарного мировоззрения.

Спектр возможных историй науки достаточно широк. Он не ограничен ни стратегией «антикваризма», которая декларирует ценность «подлинной истории», достижимой «вживанием» историка в тайну глубины веков, ни стратегией «презентизма», пытающейся достичь понимания истории, взирая на нее сквозь призму современности. То, что принято называть *постмодерном*, как историческая конструкция само является проекцией и интерпретацией, а не безусловной реальностью. Едва ли не единственная данность постмодерна состоит в том, что он *слишком очевиден, чтобы быть понятным*. Мы так плотно включены в современные дискуссии, что не в состоянии дистанцироваться от них. И потому интенсивные дискуссии о неопределенности «постмодерна» в целом (Ж.Ф. Лиотар, З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Э. Гидденс) и технаук в частности пока не привели к каким-либо определенным выводам. Так, дебаты вокруг этических требований к науке и участию ученого в социальных делах, перешедшие в круг университетских программ, проблематизируют науку как общественное благо. Высокие риски и острые вызовы сопряжены со спорами о реформировании науки как социального института. Как знать, не приведут ли постмодернистские онтологии науки (слияние оппозиций

природы и культуры, естественного и искусственного, мертвого и живого, нечеловеческого и человеческого, разума и тела, правды и пост-правды) к переходу за «пределы роста», о которых предупреждали активисты Римского клуба?

Для квалифицированного прогноза нужно проследить как можно больше последствий нынешнего положения дел, которые сегодня еще не видны. Но ловушка прогнозирования состоит в том, что мы слишком часто опаздываем с прогнозами. Ведь жизнь в постмодерне – это не отстраненное размышление, а *актуальная практика*. Отсюда идея *проактивности*, т.е. активного включения в происходящие изменения для направления их в желательную сторону. Так социальное предвидение сливается с социальным конструированием. Привлекательность этой стратегии в том, что мы пытаемся активно влиять на наше будущее и берем на себя ответственность за эту активность. Однако и это не гарантирует успеха и позитивного хода событий.

Например, концепция научных революций Кун выглядела про-активной и радикальной в конце 1960-х гг., потому что слилась с преобладающей в то время идеей революции как необратимого разрыва с прошлым и соответствующими социальными движениями. Второе издание «Структуры научных революций» не только отразило широко известную конкуренцию куновской концепции со школой К. Поппера, но и вступило в резонанс с острейшими политическими дискуссиями того времени. Главный вопрос, сообщавший этим дискуссиям особую напряженность, заключался в том, должна ли наука быть понята как «открытое» (Поппер) или «закрытое» (Кун) общество. В то время как Поппер поддерживал «перманентную революцию» в основаниях науки, Кун считал, что революции лучше всего рассматривать как непредвиденные последствия нормального хода научного исследования.

Консервативность нормальной науки, по Куну, не связана с достижением истины или обоснованности научного знания. Это выражение особого социального и морального статуса ученых-экспертов. Научное сообщество представлено как *high grid & high group community* (в терминах М. Даглас), контролируемое как изнутри (выстраивание внутренней истории науки), так и снаружи (вынесение внешней истории науки в примечания), на основе парадигмы. Нормы науки, по Куну, могут служить образцом лишь для консервативного («популистского» [Collins, Evans, 2019]) большинства всего общества и в этом смысле не стимулируют демократию. Идея научной революции потому заметно контрастировала с готовностью заметной части ученых работать в «военно-промышленном комплексе» (Ч.Р. Миллс). И нежелание Куна примкнуть к своим радикальным поклонникам побуждает предположить, вслед за С. Фуллером, что парадигмальная модель науки была предложена, скорее, в духе ностальгии, чем критики и реформ.

«Нормальная наука» Куна находится на службе у государства; это не было характерно для ранних периодов ее развития, но стало неявным прогнозом Куна в отношении науки второй половины XX в. В это время возникает зона взаимовыгодного обмена между наукой и государством, когда наука финансируется как экономически эффективная деятельность, удовлетворяющая и любопытство ученых, даже если она не дает обществу позитивных социальных и моральных стимулов и образцов. Однако, будучи включенной в большую часть «внешней истории», научная деятельность выходит за рамки поиска истины и обеспечения эффективной технологии. Обнаруживается, что наука является политическим и моральным актором наряду с законодательной, исполнительной и судебной властью, церковью, влиянием СМИ и социальных сетей. Научное сообщество – это не только научные эксперты, но и лидеры мнений, моральные авторитеты и социальные критики, которые стремятся предохранить науку как от популизма, так и от технократизма. История науки так же не существует без революций, как сама наука без метафизики, как STS без философии. Тем самым тезис «перманентной революции» К. Поппера расширяется, распространяясь на науку, ее историю и философскую реконструкцию.

Итоги

Основные постпозитивистские представления о науке и ее истории сегодня требуют пересмотра. Так, роль Томаса Куна оказалась не той, какую ему обыкновенно приписывают. За полвека эта фигура утратила всякую идентичность, превратившись в знаменитый памятник. Не будучи автором сколько-нибудь развернутой концепции научных революций, Кун выступил триггером социально-научного мифа о том, что в науке, как и в обществе, происходят революции. Это позволило представить научную деятельность не как скучную рутину, а как венчурную игру, в которой объектом высоких ставок выступает парадигма. Так философия науки ответила на политический вызов конца 60-х гг.: профессора смогли с достоинством смотреть в глаза студентам, выступавшим за радикальные перемены в социальной и культурной жизни. Судьба Куна типична для переломных моментов идейной истории, когда общество ищет героя. Кун оказался в нужное время в нужном месте.

Историк обречен работать подобно оруэлловским чиновникам из Министерства Правды, если следует социальному заказу. Но и в том случае, если он идет против течения, отказываясь соответствовать вызовам времени, он опять-таки переписывает историю. При этом нет гарантий, что в исторические герои будет избран персонаж с большими достоинствами. Чтобы это все-таки случилось, сам историк из узкого специалиста-эмпирика должен превратиться

в автора философско-мировоззренческого проекта. Он может сам взять на себя миссию героя или уповать на то, что героем его вновь сделают другие.

Список литературы

Кузнецова, 1982 – *Кузнецова Н.И.* Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. 473 с.

Кун, 2001 – *Кун Т.* Логика открытия или психология исследования // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. С. 539–592.

Маркова, 2004 – *Маркова Л.А.* Томас Кун вчера и сегодня // Философия науки. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2004. С. 29–48.

Порус, 2008 – *Порус В.Н.* Между философией и историей науки: на пути к «гибкой» теории научной рациональности // Имре Лакатос. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008. С. 9–26.

Порус, 2002 – *Порус В.Н.* Рациональность. Наука. Культура. М.: Наука, 2002. 351 с.

Порус, 1995 – *Порус В.Н.* Рыцарь Ratio // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 127–134.

Родный, 1973 – *Родный Н.И.* Проблема научной революции в концепции развития науки Т. Куна / Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М.: Знание, 1973. С. 41–52.

Brush, 1975 – *Brush S.* Should History of Science Be Rated X? // Science. 1975. Vol. 183. P. 1164–1183.

Collins, Evans, 2019 – *Collins H., Evans R.* Populism and Science // Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science. 2019. Vol. 56. No. 4. P. 200–218.

Conant, 1957 – *Conant J.B.* Harvard Case Histories // Experimental Science. Vol. I–II. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1957. 639 pp.

Fuller, 2007 – *Fuller S.* New Frontiers in Science and Technology Studies. Cambridge: Polity, 2007. 232 pp.

Fuller, 2000 – *Fuller S.* Thomas Kuhn: A Philosophical History for Our Times. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000. 490 pp.

Kuhn, 1970 – *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 210 pp.

Lakatos, Musgrave, 1970 – Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. 282 pp.

Motycka, 1980 – *Motycka A.* Relatywistyczna wizja nauki. Analiza krytyczna koncepcji T.S. Kuhna i S.E. Toulmina. Wroclaw: Ossolineum, 1980. 202 pp.

Popper, 1994 – *Popper K.* The Moral Responsibility of the Scientist // Popper K. The Myth of the Framework. L.: Routledge, 1994. P. 121–129.

Kasavin, 2017 – *Kasavin I. T.* Towards a Social Philosophy of Science: Russian Prospects // Social Epistemology. 2017. Vol. 31 (1). P. 1–15.

References

- Brush, S. "Should History of Science Be Rated X?", *Science*, 1975, vol. 183, pp. 1164–1183.
- Collins, H. & Evans, R. "Populism and Science", *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 4, pp. 200–218.
- Conant, J.B. "Harvard Case Histories", in: *Experimental Science*, vols. I–II. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1957, 639 pp.
- Fuller, S. *New Frontiers in Science and Technology Studies*. Cambridge: Polity, 2007, 232 pp.
- Fuller, S. *Thomas Kuhn: A Philosophical History for Our Times*. Chicago: University of Chicago Press, 2000, 490 pp.
- Kuhn, T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 210 pp.
- Lakatos, I. & Musgrave, A. (eds.) *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970, 282 pp.
- Markova L.A. "Thomas Kuhn vchera i segodnja" [Thomas Kuhn: Yesterday and Today], *Filosofia nauki* [Philosophy of Science], iss. 10. Moscow: IPh RAS, 2004, pp. 29–48. (In Russian)
- Motycka, A. *Relatywistyczna wizja nauki. Analiza krytyczna koncepcji T.S. Kuhna i S.E. Toulmina*. Wrocław: Ossolineum. 1980, 202 pp.
- Popper, K. "The Moral Responsibility of the Scientist", in: Popper, K. *The Myth of the Framework*. London: Routledge, 1994, pp. 121–129.
- Kasavin, I.T. "Towards a Social Philosophy of Science: Russian Prospects", *Social Epistemology*, 2017, vol. 31, no. 1, pp. 1–15.
- Kuznetsova, N.I. *Nauka v ee istorii (metodologicheskie problemy)* [Science in Its History: Methodological Issues]. Moscow: Znenie, 1982, pp. 76–77. (In Russian)
- Kuhn, T. "Logika otkrytiya ili psikhologiya issledovaniya", in: Kuhn, T. *Struktura nauchnikh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST, 2001, pp. 539–592. (In Russian)
- Porus, V.N. "Mezhdu filosofiei i istoriei nauki: na puti k «gibkoi» teorii nauchnoi ratsional'nosti" [Between Philosophy and History of Science: On the Way to a Flexible Theory of Scientific Rationality], in: *Imre Lakatos. Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Imre Lakatos. Selected Works in Philosophy and Methodology of Science]. Moscow: Akademicheskij projekt, 2008, pp. 9–26. (In Russian)
- Porus, V.N. *Razionalnost. Nauka. Kultura*. [Rationality. Science. Culture]. Moscow: Nauka, 2002, 351 pp. (In Russian)
- Porus, V.N. "Rytsar Ratio" [Knight of Ratio], *Voprosy filosofii*, 1995, no. 4, pp. 127–134. (In Russian)
- Rodnij, N.I. "Problema nauchnoi revolyutsii v kontseptsii razvitiya nauki T. Kuna" [The Problem of Scientific Revolution in Thomas Kuhn's Concept of the Development of Science], in: *Kontseptsii nauki v burzhuaznoi filosofii i sotsiologii* [Concepts of Science in the Bourgeois Philosophy and Sociology]. Moscow: Znanie, 1973, pp. 41–52. (In Russian)